



УМЕРЕННО
РОМАНТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

МИХАИЛ
ВОРОБЬЕВСКИЙ



Михаил Юрьевич Воробьевский

Умеренно

романтические истории

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70525834
SelfPub; 2024*

Аннотация

Этот сборник рассказов содержит две истории, произошедшие с одним и тем же героем. За время, которое разделяет первую и вторую истории, герой претерпевает серьезные изменения. Это отображается и в том, как в первом из рассказов повествование ведется от третьего лица, как будто это был другой человек. Любовные истории романтика и циника, в которых, как обычно, нет ни слова правды. Автор патологический лжец.

Михаил Воробьевский

Умеренно

романтические истории

На обратном пути

Он вышел на станции метро Щукинская, перепутал выход и сильно испугался, что забыл дорогу. Он не был здесь уже два с половиной года. Неужели за это время маршрут полностью стёрся из памяти?

Ветер сильно обдувал его покрасневшие руки, было очень холодно. В середине апреля внезапно снова начались заморозки. А он бежал от одного выхода из метро к другому, сутился. Сердце его уже потеряло ровный ритм. А он бежал, прикусив губу, и весь трясся.

Вот этот магазин. Он всегда встречал его на выходе из метро. Значит, тут надо свернуть во дворы. Нашёлся. В десяти метрах был небольшой скверик, там люди выгуливали собак, там стоял небольшой фонтанчик, который никогда не работал, а рядом возвышался многоэтажный дом – элитная недвижимость. Она как-то сказала ему, что хотела бы жить в таком доме, а он смеялся над ней и говорил, что это безвкусица.

Многоэтажный дом всё ещё был тут. А с противоположного края сквера шла пара. Не просто два человека шли ря-

дом друг с другом, нет. Именно пара прогуливалась ему навстречу. Он боялся заглянуть в лицо девушке. А вдруг это она? Вдруг это она превратилась в пару? Страшно было заглянуть ей в лицо, но он заглянул. Не она. Возможно, она ещё не стала парой.

Он прошёл сквер насквозь и чуть не промахнулся мимо её дома. Вспомнил, что однажды промахнулся точно так же и долго не мог понять, в какой момент он свернул не туда.

В этот двор выходили окна её квартиры, тут она выгуливала свою собаку. Однажды он вместе с ней пошёл выгуливать её. Они тогда проснулись рано утром, чтобы успеть скрыть следы романтического вечера до приезда её отца.

Они провели вместе ночь, и он даже не прикоснулся к ней. Сейчас бы у него не хватило чести на такое самоограничение. А в ту ночь он даже не подумал о том, что можно пренебречь её страхом и воспользоваться ситуацией. Они спали вместе и не пытались преодолеть космическое одиночество.

Посреди ночи она проснулась, ей приснился какой-то кошмар. Она вцепилась в его плечо, а он успокаивал её, целовал в лоб как ребёнка, баюкал.

Вот подъезд её дома. Он точно помнил, как расположена квартира. Но на каком этаже она была? Он всматривался в тёмные окна, пытался рассмотреть знакомый силуэт. Дверь в подъезд была открыта, грузовая машина стояла возле него, наверное, кто-то переезжал. А он смотрел в тёмные окна, пытался побороть в себе желание зебежать в этот подъезд, най-

ти нужную дверь, позвонить, достучаться.

Нельзя.

Он просто стоял и смотрел в тёмные окна, пытаясь отгадать, где же находится та квартира. Там точно был застеклённый балкон, значит это не втрой этаж. Может третий? Или пятый?

Из одного из окон раздался собачий лай. Сердце сжалось. Он ждал, что в одном из окон покажется морда той самой собаки. Пожалуйста, пусть из окна выглянет собака. А что если выглянет? Он же не станет сейчас махать руками или тем более кричать ей. Нет. Но он должен был знать.

Собачий лай стих, но в одном из окон зажёгся свет. Немолодая женщина вышла на кухню, и теперь он видел, что это была кухня. А ведь её кухня была расположена так же. Может быть это её квартира?

Немолодая женщина смотрела на него из окна, изобразив недоверчивую позу. А он продолжал всматриваться. Может быть, кухонный шкаф подсказал бы ему правильный ответ? Но он не мог вспомнить, какой кухонный шкаф был у неё в квартире. Он изо всех сил напрягал память, призывал себе на помощь самые незначительные воспоминания. Безуспешно.

Женщина погасила свет на кухне, но продолжила смотреть на него. Она, наверное, думала, что её больше не видно, но луч света из коридора обнаруживал её. Только бы не вызвала полицию. Женщины, обладающие такими недовер-

чивыми позами, конечно, должны хотеть по поводу и без повода вызывать полицию. Они не вызывают её каждый день только потому, что полиции не доверяют тоже.

На балкон квартиры двумя этажами выше вышел мужчина лет сорока. Он явно смотрел на человека, заглядывающего в тёмные окна. Мужчина не умел изображать недоверчивую позу, но всё равно было понятно, что в его голове то же недоверие, что и у его соседки снизу.

Самое ужасное, что любой из этих людей мог оказаться её родителем. Не от этого ли мужчины на балконе приходилось убегать по утрам? Не эта ли женщина на кухне назвала её шлюхой за то, что она поздно возвращалась домой?

Грузовик уехал в ночь, женщина на кухне и мужчина на балконе всё ещё смотрели на него, иногда мимо проходили молодые юноши и девушки. В каждой из них он боялся и ужасно хотел узнать её. Но её не было. А он стоял всё так же, запрокинув голову, глядя в тёмные окна, напрягая память, нервируя жильцов пятиэтажки. Так прошло около получаса.

Он опустил голову и пошёл обратно к метро, остро ощущая своё бессилие сделать что-либо. Вот снова сквер, прохожие. Он всматривался в каждое лицо, вслушивался в каждый голос, пытаясь уловить хотя бы какой-то её отенок. Её нигде не было. А он всё удалялся от подъезда, около которого впервые целовал её. Они так долго целовались тогда, он накрыл их сверху своим плащом, они были спрятаны ото всех и целовались впервые в жизни. Вспоминая о ней, он

всегда представлял в голове именно этот поцелуй, после которого он в первый и в последний раз в жизни видел на её лице такую улыбку.

Он приближался к метро и постепенно начинал укорять себя для приличия. Нехорошо все-таки шататься по ночам и заглядывать в чужие окна. Но это всё только для приличия. На самом деле он ни о чем не жалел, кроме того, что так и не смог вспомнить, в какой из квартир они провели вместе не одну ночь.

Она пару раз писала ему за эти два с половиной года. Он бы никогда не стал писать ей сам, но не мог обещать себе, что не вернётся больше к этому дому точно так же, на обратном пути после курьерской доставки. Чтобы смотреть в тёмные окна, нервировать жильцов и пытаться вспомнить.

Аптека

В подсобном помещении аптеки было немного тесно. Я методично помогал юной девушке с азиатским разрезом глаз снимать брюки. С ней иначе и не получалось. Уже во вторую нашу встречу, когда я ещё даже имени её не успел запомнить, методичность, с которой она проделывала каждое действие и, наверное, каждую свою мысль, я не только заметил и запомнил, я даже успел ей заразиться. Поэтому, да, я помогал ей снимать брюки методично. И в этом действии не было попытки возбудить её или самому возбудиться, не было никакой страсти, её и не нужно было вовсе. Я просто считал

её желание сделать всё быстро. И спешка была не потому, что ей не хотелось секса, а потому что от нашего обеденного перерыва осталось меньше сорока минут, и в этот срок надо было уложиться. А потому следовало помочь ей снять брюки. Так было быстрее.

В каждом её поступке была крайне несвойственная мне расчётливость. Когда я приходил к ней в обеденный перерыв, она без лишних слов указывала мне место, куда нужно встать (там была слепая зона камер видеонаблюдения), после чего она закрывала аптеку, и мы вместе следовали в подсобное помещение. Маршрут она выстраивала таким образом, чтобы мы опять же не попались камерам.

Её начальник вряд ли был бы в восторге от мысли, что в его аптеке среди коробок с медикаментами почти каждый день два молодых тела помогают друг другу раздеваться. А меня эта ситуация как раз таки приводила в восторг. И не столько чувство опасности подстегивало моё желание, сколько эта обдуманная забота, которую каждое мгновение проявляла ко мне моя девочка с узким разрезом глаз, с волосами настолько темного оттенка. Я и представить раньше не мог такой крошечной черноты, абсолютно неземной черноты, которая, кажется, поглощала каждую частичку света, с которой соприкасалась.

Моя девочка, наверное, была в душе абсолютно не романтичным человеком. Наверное, она больше была похожа на торговку, которая боится упустить время, потому что время

– деньги. Она бесконечно преобразовывала пространство вокруг себя, чтобы ни ей ни мне не приходилось совершать ни одного лишнего движения. На расстоянии вытянутой руки от нашего импровизированного ложа всегда были заготовлены сухие и влажные салфетки, на ней всегда была одежда, которая быстро снималась и быстро одевалась.

Однажды я спросил её, почему она не надевает юбку? Можно было бы тогда не раздеваться вовсе. Я задал этот вопрос с некоторой насмешкой, меня поначалу просто забавляло её желание "оптимизировать" наш секс. А она ответила абсолютно серьёзно:

"Если бы я была в юбке, то ты никогда не стал бы её с меня снимать, и мы занимались бы любовью в одежде. А это значит, что нам обоим потребовалось бы больше времени на то, чтобы возбуждаться, больше времени, чтобы кончить. Лучше потратить лишнюю минуту на раздевание. Мне хочется видеть и тебя и себя саму полностью голыми. По-моему это куда более сексуально".

Поначалу всё моё существо сопротивлялось этому прагматизму, я не желал превращать свой секс в продуманное до мелочей механическое действие. А она ведь ещё называла это "заниматься любовью". До меня долго не могло дойти, где она видит любовь во всём этом.

Она никогда не включала музыку, чтобы мы не отвлекались ни на что. Она стонала всегда в полголоса. Достаточно громко, чтобы возбуждать меня, но не достаточно гром-

ко, чтобы нас можно было услышать за пределами подсобки. Как-будто в её голосовых связках было установлено предельное значение громкости, какой-то внутренний ограничитель.

Меня бесконечно удивляло всё это, иногда даже раздражало. Но как только мы оказывались наедине друг с другом, без одежды и музыки, без посторонних глаз и ушей, я не мог не признаваться себе в том, что она была права. В каждой мелочи, чёрт возьми, права.

Всякий раз, когда она оказывалась полностью голой, в ней происходила самая резкая перемена. Она переставала демонстрировать свою прагматичность, она становилась самым нежным, самым сексуальным созданием, и только умеренная громкость её стонов напоминала мне о том, что эта нежность – тоже заранее запланированная мера для повышения "эффективности" нашего секса.

Но это было уже неважно. Абсолютно неважно. Потому что в каждом движении её тела, в каждом звуке и вздохе было столько секса. Она всецело отдавалась одной единственной цели – сделать нам как можно более приятно. И я не мог сопротивляться этому. Я с благодарностью принимал её ласки и старался отплатить ей тем же.

Мы почти каждый раз кончали вместе. Наверное, иногда ей приходилось меня ждать, иногда бывало и наоборот, но мы ни разу не расстались друг с другом, не испытав оргазм. И это при том, что временами у нас в распоряжении было

всего полчаса.

Она не просто занималась со мной любовью, она учила меня, как сделать это быстро. Быстро сделать любовь, а не секс. В скором времени я перестал сопротивляться этому. Я стал её благодарным учеником.

Странные подарки иногда делает нам судьба. Я ведь затеял этот роман просто назло своему коллеге. Он раздражал меня своей нелюбовью к блюзу и бесконечно надоедал своими рассказами про баб. Он был явно повёрнут на азиаточках. "Мне сегодня в кофейне такая красивая азиаточка сделала облепиховый чай! А в этой аптеке работает такая сексуальная кореяночка! Я там крем для рук покупаю" – в какой-то момент я устал слушать эти истории и придумал закрутить роман с аптекаршей на зависть спермотоксикозному блюзо-ненавистнику.

Я никогда не рассказывал о своих похождениях, но думаю, что мой коллега обо всём догадался. Окна магазина с гитарами, где мы работали выходили прямо на аптеку, и он мог каждый раз наблюдать, как я захожу внутрь ровно тогда, когда "секси кореяночка" закрывает двери на обеденный перерыв.

А мне вовсе перехотелось дразнить коллегу. Наоборот, хотелось бы, чтобы он ничего не знал. Моя мстительная интрижка переросла во что-то большее и представляла из себя куда большую ценность в отрыве от желания унижить чувства любителя облепихового чая. Может быть, это боги блюза на-

градили меня?

В один из дней блюзонавистник вдруг ни с того ни с сего стал упрашивать меня поменяться перерывами. Обычно он уходил на обед первый, а тут что-то решил "уступить мне" очередь. Я не сильно горел желанием меняться, но он настоял. Я поддался, испытал лёгкое отвращение при виде его благодарной рожи, а потом не без удивления наблюдал из окна, как он заходил в закрывающуюся на перерыв аптеку. Вернулся он с немного растрепанными волосами, торжествующе порозовевшими щеками и за весь оставшийся день не проронил ни слова. Только довольная улыбка не сходила с его лица до самого конца смены.

Он даже на следующее утро продолжал улыбаться. Но снова поменяться перерывами почему-то не продолжил, отобедал первым, как обычно. А с обеда вернулся уже без своей глупой улыбки. Его лицо приняло обычное нудное выражение.

Моя девочка встретила меня как обычно. Как обычно указала мне место, куда не дотягивались камеры. И только улыбнулась мне как-то по-особенному. В её улыбке можно было прочесть слова: "Он не сумеет у меня ничему научиться". Я улыбнулся ей в ответ, занял свою обычную позицию и приготовился следовать за ней. Следовать в подсобное помещение аптеки, где наверняка уже заготовлены сухие и влажные салфетки на расстоянии вытянутой руки от импровизированного ложа, где мы снова будем помогать друг другу раздеваться.